

РУССКИЙ БЕСТСЕЛЛЕР

Марина
СЕРОВА

Что соврал
ПОКОЙНИК

МОСКВА

2 0 1 7

УДК 821.161.1-312.4
ББК 84(2Рос=Рус)6-44
С32

Оформление серии *А. Старикова*

Серова, Марина Сергеевна.
С32   **Что соврал покойник / Марина Серова.** — Москва : Издательство «Э», 2017. — 320 с. — (Русский бестселлер).

ISBN 978-5-699-97192-3

Частный детектив Татьяна Иванова на этот раз ищет не преступника — с ним как раз все более-менее ясно, а жертву. Труп загадочным образом исчез с места преступления, и это при том, что Танина лучшая подруга сама видела этого покойника и только по причине легкого обморока за ним не уследила. В исчезновении убитого и папки с компроматом заинтересованы хозяин дома, где все случилось, и трое его конкурентов, но Таня до последнего уверена, что и пропавший труп может кое-что сообщить — что-то настолько важное, что следствие просто обязано будет пойти по совершенно другому пути...

УДК 821.161.1-312.4
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

ISBN 978-5-699-97192-3

© Серова М.С., 2017
© Оформление.
ООО «Издательство «Э», 2017

ГЛАВА 1

«...Партенопей был одним из трех:»

«Очень важный человек, Аркадии был королем».

«Он был мудр, храбр и куртуазен...»

Постепенно мой перевод становился похож на рыцарский роман, а не на подписи к комиксу. Да, разбирать архаические глагольные формы и темный синтаксис «Романа о Фивах» — это удовольствие для избранных.

Я наслаждалась покоем, сидя в своей квартире на седьмом этаже обычного дома. Суетливые майские каникулы с массовым выездом на шашлыки миновали, а до нового финансового года в частных фирмах и государственных организациях было еще далеко. В родном Тарасове началось лето, и офисный планктон паковал чемоданы и отправлялся жарить бока на отечественные и заграничные курорты.

Я на море не собиралась, дома было вполне комфортно. Городскую духоту из моей однокомнатной квартирки изгнал волшебный

помощник — кондиционер. Теперь стоило лишь нажать кнопку, и вокруг возникал прохладный оазис, чем я с удовольствием пользовалась. К тому же мне достался удивительный подарок — уже через день я поняла, что до конца лета мне не придется скучать. По сути, это был не подарок, а вызов моему терпению, усидчивости и воле к победе.

Недавно я расследовала кражу в антикварном магазине. Хозяин, жизнерадостный француз, был на грани инфаркта, пока украденный раритет не вернулся к законному владельцу, а придя в себя, отблагодарил меня на свой лад. В необъятных закромах магазина он отыскал экземпляр французского рыцарского романа середины двенадцатого века, сочиненного неизвестным автором, и преподнес мне в качестве премии. Роман был на старофранцузском. Легко вообразить, какие чувства вызвал у меня подарок, ведь мое знакомство с французским языком закончилось в школе.

Конечно, я собиралась из вежливости полистать антикварный том и поставить его на полку повыше, куда-нибудь между Бомарше и Гюго. Но получилось иначе, глаз зацепился за одну строчку, потом за вторую (роман был в стихах). С моими познаниями во французском языке перевод получался диковатый.

И это считается шедевром мировой литературы? Мне стало интересно, я всерьез занялась переводом, обложила словарями и погрузилась в интернет. Занятия эти меня так увлекли, что я забыла о намерении убрать книгу на дальнюю полку.

В романе было около четырнадцати тысяч строк, за три дня кропотливого труда я смогла более или менее адекватно перевести только сотню. Наскоро прикинув расход человеко-часов, я поняла, что для осуществления задуманного потребуется один год, два месяца и пятнадцать дней. Неплохая перспектива! Конечно, можно было покопаться в библиотеках и найти литературный перевод «Романа о Фивах», но это явно не сулило морального удовлетворения.

Переводческий труд был в разгаре, когда дверь в квартиру внезапно заходила ходуном. Досадуя, что меня отрывают от дела, я все же пошла в прихожую, но, прежде чем открыть, глянула в глазок — лучше знать заранее, что найдешь за дверью. Каково же было мое удивление, когда нарушителем спокойствия оказался не посторонний человек, а моя давняя приятельница Ленка. Обычная учительница, преподающая французский язык в обычной школе, она отличалась исключительным талантом притягивать к себе неприятности.

Судя по ее виду, этот талант обрел сегодня новые грани. Испытывать терпение подружки я не хотела и распахнула дверь.

— Привет, — начала я, но Ленка явно не была настроена соблюдать этикет.

Влетев в прихожую, она захлопнула за собой дверь, бросилась в комнату и зарыдала на диване. Я несколько секунд гадала, чем она так расстроена, но потом решила все-таки дождаться объяснений от нее самой. Налив в кухне стакан воды, я подумала и отставила его в сторону. Пожалуй, этим я Ленку в чувство не приведу, нужно более действенное средство. В шкафчике у меня хранилась маленькая бутылочка коньяка, не помню, как ко мне попавшая (сама я спиртным не увлекалась и любителей его в дом не водила), теперь она дождалась своего часа.

Я налила коньяк в кофейную чашку и отправилась спасать Ленку. Ее рыдания не утихли, пока я была на кухне, напротив — Ленка, интеллигентная и аккуратная до мозга костей, размазывала слезы, текущие по щекам, рукавом тонкой блузки. Жила она на учительскую зарплату и привыкла беречь свой небольшой гардероб, а тут такое явное пренебрежение судьбой красивой блузки. Это симптоматично, видно, дела были совсем плохи. Я подсела

к рыдающей подруге и, прикладывая чашку к ее губам, ласково попросила:

— Выпей это.

Ленка открыла рот и позволила влить в себя коньяк.

— Теперь глотай!

Она послушно глотнула. Коньяк должен был обжечь ей горло, но она даже не поморщилась. Минуту спустя на щеках Ленки проступил румянец, поток слез начал иссыхать, оставив после себя икоту. Я снова сходила на кухню, теперь вернувшись со стаканом воды.

— Выпей водички, это поможет прийти в себя, — терпеливо, как маленькой девочке, объяснила я.

Ленка осушила стакан и вернула его мне со словами:

— Я уже никогда не стану прежней!

— Поживем — увидим. Сделай глубокий вдох и удержи дыхание, тогда перестанешь икать.

Она безропотно вдохнула, задержала дыхание и перестала икать. Взгляд стал осмысленным, но пугал меня больше, чем недавняя истерика. В Ленкиных глазах плескались все-ленская скорбь и явный страх. Я уселась рядом, взяла ее за руку и как можно мягче сказала:

— Ты можешь рассказать мне все.

— Танюша, это ужасно, — еле слышно произнесла она. — То, что я совершила, ужасно!

— Рассказывай, ведь ты пришла ко мне именно за этим.

Ленка взгляделась в мое лицо и решительно произнесла:

— Ты будешь меня презирать, но мне больше не к кому обратиться.

— Насчет этого не переживай. Я знаю тебя столько лет, что никакое признание не изменит моего отношения к тебе, — ответила я, готовясь услышать самое невероятное.

Ленка еще какое-то время медлила, собираясь с силами. Я крепче сжала ее руку, стараясь передать ей свою уверенность. Она вздохнула и выпалила:

— Я убила человека!

Мне с трудом удалось сохранить невозмутимое выражение лица, так я была поражена Ленкиным заявлением. Я готова была услышать что угодно: что она позволила неисправимому двоечнику списать на экзамене и теперь мучается угрызениями совести, или подсидела коллегу и того выперли из школы, или что-то еще подобное — но только не то, что услышала. Сама мысль была абсурдна: Ленка убила человека! Да это в принципе невозможно. Машину она не водит, оружием не

владеет, врагов, с которыми нужно было бы поквитаться, никогда не имела — кого она могла убить? Примерно это я и сказала, на что Ленка скорбно возразила:

— Так было раньше, до сегодняшнего дня. А теперь я убийца. Я — убийца, Танюша, и это правда.

— Ты употребляешь это слово в метафорическом значении? — цепляясь за соломинку, спросила я.

— Нет, под этим словом я подразумеваю то же, что и все, — физическую смерть, — едва слышно прошептала она.

— Ты должна рассказать мне все с самого начала и желательно с подробностями. Если снова надумаешь реветь, я выставлю тебя за дверь, — заявила я, поняв, что мягкость не поможет прояснить ситуацию.

Ленка, губы которой уже дрожали в преддверии нового истерического приступа, глубоко вздохнула и принялась рассказывать.

История началась десять месяцев назад, осенью. Ленке крупно повезло — некий Роман Веденкин, состоятельный джентльмен, нанял ее репетитором к своему нерадивому сыну. Парня собирались отправить в престижную школу в Париж, но знаний ему недоставало, пройти отбор при поступлении ■

было непросто. Виденкин твердо решил сделать из сына достойного человека, причем не в родном отечестве, а за границей. Платил он щедро, отказываться от такого заработка Ленке не хотелось. Несмотря на предупреждения отца, что наладить контакт с его ребенком не удалось еще ни одному репетитору, она решила попробовать. К удивлению всех троих, дела пошли великолепно. Вадим Виденкин проникся к Ленке то ли уважением, то ли сочувствием и показывал необыкновенные успехи в освоении французского. Так продолжалось до конца мая, а на лето занятия было решено прервать, чтобы мальчик не перетрутился. Ленка вернулась к своим привычным занятиям. Так прошли июнь и половина июля.

Две недели назад Ленке внезапно позвонил Виденкин-старший и вызвал поговорить. Она недоумевала, но на встречу пошла. Оказалось, что у Виденкина появилось для нее новое рабочее предложение. Семья собралась поехать на Бали, но, когда начали собирать документы, обнаружилось, что у наследника отсутствуют положенные прививки. Вадима спешно вакцинировали, а он выдал неожиданную реакцию на прививку от кори — все симптомы заболевания, лихорадка, кашель, насморк, воспаление лимфатических узлов —

и, наконец, покрылся сыпью с ног до головы. Не могло быть и речи о том, чтобы покидать страну в таком состоянии.

Заботливый отец решил отменить поездку, но Виденкин-младший уговорил родителей не менять планы из-за пустякового осложнения. Они сдались, но оставлять сына без присмотра взрослых не хотели. В доме Виденкиных были кухарка, садовник и водитель, хозяйке по дому помогала специально нанятая женщина, а в делах — личный секретарь, однако ни один из них не имел нужного влияния на подростка. Кому Виденкины могли доверить ответственную миссию? Вадим сам пришел на выручку и заявил, что было бы неплохо пригласить в качестве наблюдателя Ленку, обещал беспрекословно слушаться ее и вдобавок практиковаться в языке. Так репетитор оказалась в няньках.

Неделя пролетела как один день, все было великолепно. Вадим, как и обещал отцу, вел себя идеально: с Ленкой не спорил, язык изучал и вообще проявлял чудеса гостеприимства. Вплоть до сегодняшнего утра. Накануне Вадим приступил к Ленке с просьбой отпустить его в воскресенье на дачу к друзьям. Дача располагалась недалеко, всего в пятидесяти километрах от дома Виденкиных. ■

Температура у Вадима спала, сыпь уменьшилась, а стать переносчиком инфекции он не мог по той простой причине, что больным не являлся. Эти и ряд других аргументов Вадим предъявил Ленке, пытаясь выторговать для себя глоток свободы.

Поначалу она и слышать об этом не хотела, но у Вадима открылся дар убеждения, и она сдалась. Последним аргументом стала выездная выставка французского фотографа Анри Картье-Брессона, увидеть работы которого Ленка мечтала чуть ли не с детства. В воскресенье утром она осталась в доме одна — Вадим уехал, а у прислуги был законный выходной. Впрочем, задерживаться Ленка не собиралась, спустя полчаса после ухода своего подопечного она уже вышла из дома и отправилась к автобусной остановке. Ей нужно было доехать до Театральной площади, где располагался музей.

До остановки Ленка не дошла. Телефон писком сообщил о новом письме, упавшем в ее электронный почтовый ящик. Взглянув на имя отправителя, Ленка поняла, что свидание с Картье-Брессоном отменяется. Письмо пришло от клиента, который время от времени подбрасывал ей халтуру, переводы с французского. Она очень ценила его, заказ

был срочный, поэтому о художественной фотографии пришлось забыть. Ленка вернулась в дом Веденкиных, устроилась в своей комнате и с головой ушла в работу.

До этого момента рассказ лился живо, без пауз, но тут Ленку словно заклинило. Открыв рот, она замерла на середине фразы и уставилась в одну точку. Я выждала некоторое время, потом спросила:

— С тобой все в порядке?

Ответа не последовало. Я тронула подружку за рукав, реакции никакой. Чтобы как-то ее расшевелить, мне пришлось влить в нее остатки коньяка. После этого я решительно встряхнула Ленку за плечи и потребовала продолжения рассказа.

— Что случилось после того, как ты засела за перевод статьи, ты помнишь?

— Помню, — ответила Ленка, — я была на втором этаже, там моя комната над кухней, той, на которой готовит кухарка. У них есть еще одна кухня, хозяйская, в конце крыла.

— И что же произошло на кухне? — Я попыталась форсировать рассказ, но Ленка на уловку не реагировала.

— Я сидела у окна, там такой удобный столик и много света. Перевод шел легко, я даже подумала, что еще успею на выставку, если